

новую жизнь, а если да, то в какую «степь» тебя заслать. Достучаться до них, естественно, невозможно: имена и адреса скрыты. Иначе бы лестница в их доме обрушилась от все растущей толпы родственников «ушедших».

Естественно, и Вершитель, и Даритель назначались отдельными, формально независимыми органами власти, и – никакой «гласности». Имена их знал лишь самый тупой и забывчивый компьютер, подсчитавший голоса и пославший им «извещения» и денежные переводы на их деятельность. После чего это устаревшую и «слишком много знавшую» машину торжественно и публично скинули со скалы. Вдребезги!

Работаем. Но – тайно. Да и я, Сочинитель, формально погиб в автокатастрофе, чтобы не погибнуть на самом деле, – желающие бы нашлись, а это подорвало бы престиж «Уложений». Теперь я – крупнейший специалист (тщеславию все же надо кинуть кусок) по «позднесоветской литературе», особого внимания в наши дни, когда и классику-то уже забыли, не привлекающей.

В таком качестве я и сыскал (слово подходящее?) любовь Анжелы. А она – сыскала любовь мою? Скользящий вопрос. И даже тревожный. Уж больно ласковая сейчас – такой еще не была никогда. Хочет любви? А зачем? Да для «Потери близкого человека», мне кажется. И кто «баллотируется» на «близкого»? Да я – а кто же еще! Больше некому. Умею «влипнуть»! Кстати, без «потери близкого человека» и на работу ответственную не берут. Человека без страданий – и чужие страдания не проймут. И уж тебе, автору «Уложений», стыдно уклоняться от бед. И не уклонялся, красиво погибал. Но что-то в этот раз не хотелось. Какие мы «близкие люди»? Не о чем говорить, кроме как о бонусах. Не хочу погибать непонятно за что. Трагедии все давно уже превратились в фарсы, для облегчения школьной программы. Вот тезисы «лучших» сочинений, отобранные комиссией, в которой я, кстати, был:

Гамлет! Не сщи!

Отелло! Ты лох!

Евгений! Тебе бы кроссец по пересеченке, а не дуэль!

Анна! Прикинь!

Какие сочинения – такая и любовь. За что же страдать, какие «близкие люди»? За кого гибнуть? Бежать!

Звонок в дверь. Вот он, момент!

– Кто там?

– Две пиццы! Получите.

Пора.

38

– Какая, на фиг, пицца? Я заказывал драники! Ухожу!

– Ну, может быть, пицца? – Анжела хватала меня за руки.

– Ну уж нет! Чтобы меня так унижали в моем доме – этого я себе не позволю!

Такие неуклюжие фразы стали нормой. Сымитировал неплохо. Быстро оделся.

– Ты куда?

– Туда, где меня уважают!

Адреса не указал. Поскольку его не знаю. Выгреб все из холодильника в пакет.

– Просрочка! – пояснил.

Чтобы не упрекала в жадности. Мобильник незаметно положил в стол.

– Прощай!

Настоящие слезы (и у меня, кстати).

Вскочил в лифт – и сразу же заиграла задушевная музыка, и проникновенный голос (мой) прочитал:

*Любовью – дорожить умеете,
С годами – дорожить вдвойне,
Любовь – не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне!*

Еще пять этажей!

*Все будет – слякоть и пороша:
Ведь вместе надо жизнь прожить!
Любовь – с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить!*

– Чушь! – вырвалось у меня. – Песен у меня много сложено, а вот любви – нет!

– Как же вы так? – спросил лифт, уже от своего имени.

– Тебе не понять! – воскликнул я.

Секундная задержка – но это меня и спасло. Перед раскрывшейся дверцей лифта просвистел какой-то тяжелый предмет и, подпрыгнув на кафеле, развалился на части. Так с десятого этажа.

– Ну, ты выходишь – нет? – прохрипел лифт.

Обиделся на меня. Но жизнь спас. Поэзия спасла.

Я разглядывал «взорвавшийся снаряд». Что это было? Ракета ближней дальности? Или, может быть, голова Анжелы, отвинчивающаяся? Бросила ее в меня, как упрек. Тяжелый упрек! И ушла из жизни. Хотя и не близкий человек! Но нет. Не похоже. Цвет не тот. Голубой. Так... Помойное ведро! Помойным ведром хотела меня убить! Такую вещь – и не пожалела, для не близкого человека! Срочно валить. В доме и потяжелее вещи есть.

Раздвинул, как Самсон – пасть льва, мягкие губы троллейбуса, проник. Троллейбус стал допрашивать

меня моим голосом: «Какую книгу вы собираетесь прочесть?» Какую, какую! Такую, какую сам напишу!

2.

Проходными дворами, сквозными парадными про- ник на вокзал, с самого черного хода. Горы шла- ка... охраняемые ЮНЕСКО. Тут «парадные» поезда не отходят. Надоели уже! Вспомнил последнюю мою по- ездку (надеюсь, не самую последнюю):

- Я Емель-я-ан! Главный ме-енеджер по обслужива- нию! Вам, к сожалению, на час задержали щи.
- Да уж на полтора. Принесли?
- Проблема изучается! Чем я могу вам помо-очь?

Исключительно щами. Но ими и не пахнет, вооб- ще, думаю, их и не существует. Только виртуально, в меню.

Единственное удовольствие – и мне поиграть го- лосом:

- Емелья-ан! Меня безумно знобит! Не могли бы вы принести мне плэ-эд?
- Из какой шерсти? – приставил карандаш к блокноту.
- Ан-гора, если не трудно!

И принесла мне тот «плэ-эд» Анжела, моргая ресницами. К сожалению, плед синтетический. И при этом равнодушно сообщила, что Емельян уволен за халатность и теперь вместо него – она!

И дальше, как писали когда-то, «мы пошли с ней по жизни вместе». А вот теперь – врозь!

Спасение мое – какой-нибудь занюханый поезд, где блистательных Емельянов и их пособниц нет! Обшарпанный запасной состав поднимается над запасными путями. Между рельсами – одуванчики... «Запасли» это все для меня? Не исключено. Но не будем придирааться ко всему подряд. Можно хотя бы иногда во что-то поверить: «Настоящее!»

Дверь в последнем вагоне открыта, ступени ма- нят. Подстроено? А мне пофиг! Ржавой арматуриной постучал по ступенькам. Появилась наверху про- водница. Царица!

- Чего? Пора? – Она сладко потянулась.

Сразу понравилась мне она своей ленивой неос- ведомленностью.

- Сон такой снился... – мечтательно проговорила она.
- Ну, вот я и явился!
- Да во сне ты вроде другой был... – усмехнулась. – Ну ладно, залазь. Влез.
- А куда едем – знаешь? – спросила.

- А мне не важно. Лишь бы с тобой.

- Э, э! Тормозни! – придержала ручонки мои.

Сказала не «Тормози», а «Тормозни!» Чувствуешь разницу?

- Много украл? – кивнула на сумку.

- Дня на три хватит.

- Мало. Карту давай.

- Карту страны?

- Денежную. Иначе не поедешь.

Вот она – реальность, которой я так жаждал!

- Все с нее снимешь? – поинтересовался я.

- Погляжу. Код какой?

Вот та, которую я покинул, на такое бы не пошла! Но ты сам выбрал.

- Вот, – отдал свою материальную жизнь в ее руки. Надеюсь, не навсегда.

- Чаю не надо! – сразу сказал.

- Посмотрим! – таинственно улыбнулась она.

С колотящимся сердцем я шел по проходу. Со скрипом она отодвинула дверь купе. Затхло. Но к этому ведь и стремился ты?

- Вот тебе гробик! – подняла полку. – Ложись туда. А то вдруг тебя ищут.

- Только узлов, пожалуйста, сверху не ставь! – по- просил. – Я же не в последний путь еду, надеюсь?

- Последний тебе оказался бы намного дороже! Карты бы не хватило. Ложись!

И вот уже – хлоп! Но шелка для дыхания осталась. Ботинок успел подложить. Самое дорогое, что есть у меня. Да нет. Жизнь все-таки дороже.

Проснулся я в темноте и в панике. Вагонные ко- леса били в бока. Терзали мысли.

Мусорного ведра испужалси!.. А вы бы – нет? Чуть не погиб, по каким-то «Уложениям», придуман- ным... известно кем. Но – когда? Все превратилось уже давно в выхолощенную формальность. Какая-то сборно-разборная кукла суд вершит! Только живой жизнью, ее обстоятельствами должно все вершить- ся, но живой-то почти не осталось...

Стоп! Настоящая живая женщина с тобой рядом, последняя, может быть, какую я вижу, и я могу ее осязать, а также обонять, и даже, возможно, об- нять – а я тут лежу, как, извините, бревно.

Резко откинул крышку, снятый ботинок натянул и пошел, широко шагая, по вагону. Стукнул в дверь с надписью «Проводник». Дверь чуть отъехала.

- Чего тебе?

- Решил чаю попить! – шепнул. – Пусти!

И ответ прилетел. Ослепительный удар из тьмы, прямо в скулу. Жизни хотел? Получай. Вот она, русская женщина! Я гордо упал. Дверь закрылась, и прокрутился замок. Чай, видимо, не предусмо-

– А, так и ты тем же путем здесь? – Я обрадовался. Ну, затейница! Запасают тут мужиков, на всякий случай.

– Ну, положим, тем же! – важно проговорил он. Все-таки первый тут! Сейчас бы самое время «согреться». И он мои нехитрые мысли прочел.

– Сухой закон! – прохрипел он. У самого, видать, пересохло.

– И на воду распространяется?

– С водой тут еще суше.

– А – туалет?

Думал, скажет: «Ты что – за этим пришел?» Но он величественно указал той же тростью на будку в углу двора, окруженную пышной белой пеной хлорки и жужжащими мухами... И это желание удалось побороть.

– Спасибо.

В углу двора – холмик, напоминающий могильный, привлек мое внимание, что не прошло мимо внимания его.

– Что-то не нравится тебе?

– Нет. Я в восторге...

– Ладно! Давай краба!

Протянул короткопалую пятерню. Якорек на запыстье. Морячок. На костяшках – СЕВА.

– Ну, здорово, Сева! Я – Валери. Так называла меня последняя.

– Знаю, – проговорил он.

– Откуда?

– Замнем для ясности!

Знает меня? Интересно – до какой степени? Это – ловушка? А, плевать! Дело привычное. И в ловушке можно хорошо отдохнуть. Скорее всего, просто важничает пенсионер! Такие «все знают».

– Работать любишь? – следующий вопрос.

– А я думал, ты отдыхаешь тут...

– Ошибаешься! – строго произнес он. Мы пошли наискосок через двор.

– Да. Немногие выживают тут! – сказал он, когда мы прошли мимо могильного холмика. Я вздрогнул. Может, собака лежит? Очень на это надеюсь.

– Сам-то какой мотаешь срок? – поинтересовался он на ходу.

В нашем веке это нормальный вопрос. «Как твоё здоровье?» – вопрос нелепый. Здоровья сейчас нет, как и болезней. Живи, сколько совесть позволит – и «обстоятельства» решат. Поэтому «какой мотаешь срок» – вопрос обычный.

– Пятый! – на всякий случай соврал.

– Врешь! – пригляделся. – Седьмой! Вижу – третий калач! – Он подмигнул.

Мы – «третьи калачи»! Хорошо бы искупнуться... Но я уже слышу вопрос: «Ты что, купаться сюда приехал?» «Нет! Разумеется, нет!» Но он умел кайфовать без воды. И с моим появлением для него явно начался кайф. Воцарение его! И вот – царство. Полоний спуск к реке (оттуда пахло прохладой), полусухой огород. Спустились... Одно слово – река. Даже кружкой не зачерпнешь. В основном – галька. Он развалился на рассохшемся стуле, закинув ногу на ногу, и своим стеклом указывал мне.

– Плеть вон ту на колышек подними!

– Охотно!

Полузабытый любимый запах разогретых солнцем помидорных плетей.

– Теперь вон ту!

Колышек пришлось укрепить, воткнуть поглубже.

– Ты, я вижу, сечешь.

– Так крестьянские корни.

– Раз так – наноси воды! – указал на пустые ржавые ведра. Меня ждал?

Проблема: ведром не зачерпнешь. Пришлось наливать горстями. Он одобрительно кивал. Я поднес ведро.

– Теперь поливай! – Он хихикнул.

– Врешь! На солнце не поливают. Вечером.

– А ты, я вижу, с говнецом! – подметил он и, довольный, расхохотался. – Сойдемся! Я сам такой. Ну, как тебе у меня? – Он царственно огляделся.

– Сказочно.

Ему, видимо, почудилось издевательство.

– А ты хочешь, чтобы за коррупцию загребли меня? – разгорячился он. – Погрязнуть предлагаешь? Хоромы тебе нужны?

Неважно даже, есть ли у него такая возможность – погрязнуть. Отмечает в корне.

– Ладно! Пошли! – Он вдруг стремительно встал. Решил, видимо, какие-то тайны все-таки приоткрыть, что-нибудь вроде «копей царя Соломона».

Как бы не ослепнуть. Мы шли вверх по речке, раздвигая засохшие высокие камыши... куда? Он молчал, показывая: чего зря трепаться, сейчас все увидишь сам! Египетские мумии в золотых саркофагах? И вот – просвет в камышах. Камыши утопаны, как циновки. Все?

– На уток охотишься? – предположил я.

– Ха! Выше бери! – самодовольно он произнес. Что же может быть тут выше уток? Я тщательно пригляделся. Какие-то ямы, в глине. Перевернутая тачка, с ручками.

– Раскопки? – предположил я. – Какой-нибудь древний подземный гарем?

– Десятнадцатый век! – Сева поднял корявый па-
лец.
– Ого! И что же тут?
– Глина! Копали.
Заметил – не впечатляет.
– Прадед еще! – произнес веско.
– Прадед – это ты?
Это сейчас сплошь и рядом, при пересаживании
душ.
– Да куда уж нам! – произнес с пафосом. – Тот по-
крепче был. Кирпичи лепил!
– Но это вроде бы не на уровне теперешних техно-
логий? – не удержался я.
– Эх, ты! Скобяная твоя душа! – с горечью произнес
он.
Обиделся?
– Конечно, без памяти о прошлом мы выродимся! –
поддержал его я. Как тут не поддержать?
– То-то и оно! Вручную лепил. И осенью – их прода-
вал!
– И начинал, видимо, лепить новые?
Я вздохнул. Вся наша жизнь такая!
– Не-ет! – торжествующе вскричал Сева. – В том-то
и дело, что не сразу!
– И в промежутке – что?
Тут, видимо, самое главное.
– Прежде он большой пост занимал. Но только тут
пожил в свое удовольствие!
Что, надеюсь, предстоит и нам.
– Пока лепил, – с особым смаком Сева заговорил, –
бабу себе приглядывал! Ну, понятно, под свой
выбор и вкус. Девяносто уже стукнуло ему! Такой
срок был, выхода на пенсию. Продавал кирпичи –
и! Кривая, рябая – уже неважно было ему!
«Но мы, надеюсь, будем более привередливы?» –
подумал я.
– В общем, подвижник! – так определил я его жизнь
вслух. – И что – можно уже копать глину?
– Погодь! – произнес он. – Кирпичи готовы уже!
– Как? – вскричал я.
Вот это подарок одинокому путнику! Готовы!
Мы подошли к сараю, и он гордо, хоть и с усилием,
отпахнул дверь. Кирпичи светились, как золотые
слитки.
– Последние годы он уже не мог ничего... Только –
лепить! – со слезой проговорил Сева.
– Так замкнем производственную цепочку! – вос-
кликнул я. Вот тут я помощник ему! – Где тут
у вас женский пол?
– Не гони! – Сева ласково мне улыбнулся, как
опытный мастер горячему ученику. – Надо спер-
ва кирпичики на шассик поднять!

Шассик – трактор на высоких колесах, с кузо-
вом – стоял тут же.
– На сегодня хватит с тебя! – Сева, как волшебник,
запахнул дверь.
Пора деткам спать?
Но тут-то и началось! «Дед, а дед! Тет-а-тет?» –
так можно было назвать нашу беседу.
– Вообще-то катерщики мы! – рассказывал он.
– Каторжники? – с первого раза не расслышал я.
– Катерщики! – яростно опроверг. – Торпедные ка-
тера! С голым пузом на пули летели!
Показал как.
– Торпеду надо бросить в упор! Иначе это так...
секс по телефону! У других – броня. Крейсера там
всякие, линкорá! А мы – на легком катере к богу
в рай. Все уже знали – катерщики. Дорогу уступа-
ли нам. Даже на суше. Лучше не связываться!
Это я понял.
– Ну – мы и позволяли себе! Помню... Адмиральское
награждение. На крейсерах да на линкорах все
по струнке стоят. Но вот – к нам.
– Ну и вы, соответственно... надраены? – предпо-
ложил я.
– Ну, это как сказать! В чем очнулись после без-
умств! Не до парада.
– Но клеши, наверное, все же надели?
– Клеши? А не хочешь – трусы? В длинных трусах
стою. Хорошо, не в коротких. На голове – шляпка
соломенная, с цветочком, у одной барышни одол-
жил. И в галошах... не знаю откуда. И – все! Наш
катерный шик. Другие приблизительно в том же
виде.
– И – адмирал... хоть бы что?! – не поверил я.
– Спокойно. Понимал, что перед ним – катерщики
стоят. Герои атак. По урону вражескому флоту на
первом месте! А что – адмирал? Китель с пого-
нами – и все! И он это осознавал. Обнял меня,
похлопал ласково по спине. И повесил медаль.
– Надеюсь, не на голое тело? – испугался я.
– Ну... тельник! – проведя пятерней поперек груди,
изобразил его.
– Как же тебя вытащили в нашу эпоху? – сорвалось
с языка.
– Откопали! И представляешь – зуб живой сохра-
нился.
– Понятно. Остальное к зубу прифигачили. Одет ты,
кстати, так же геройски, как и тогда.
– Только вот галоши сносились! – усмехнулся он.
В общем, сблизилась! На мою голову, как вскоре
выяснилось.
– Ну... потом «дедом» я был. В смысле – механи-
ком на судне. Ну, это уже на гражданке. Весь мир

Летел к свободе, а попал в лапы пауку. Ну, сам эту казнь придумал – так получай. Высокое звание свое не свети, привилегий не требуй: неинтеллигентно.

– Используешь служебное положение в личных целях? – лишь вскользь упрекнул его я.

Он развел руками, вздохнул.

– Ладно! – произнес я. – Куда?

Нехорошо, уклоняться.

– Ну... хоть сюда вот ложись! – Он радостно захлопотал, гостеприимно указал на длинный дощатый стол.

Ну просто по росту, как на заказ! Конечно, я представлял себе это все более величественно. Но, как говорится, без привилегий. «Где стол был яств...» Яств как-то не успел вкусить. Сам придумал это все – так прими! Опустился спиной на «ложе». Жестковатые доски. А ты думал – «поролон» тебе? Поролон нынче дорог! Лежи! И не выдай себя. А то начнешь еще «качать права»... Стыдно. Гордо уйду.

– Ничего, что грязновато слегка? – озаботился он.

– Думаю, не повлияет.

Он дружески подмигнул. Мол, «наш ответ»...

– Да какая она Анжела? – торопливо говорил он. – Анька она. Навыдумывала тут!

Тут я, видимо, должен был зыкнуть от восторга. «Анька она!» Это же круто меняет дело! Хотя меня это, честно говоря, не задевало. Волновало другое. Неужели просто так, без затей, стеком сработает, точнее, лезвием в нем? Навык, чувствую, есть. Не богато, конечно. Но привередничать недостойно, на смертном одре репутацию портить. Прямо лежи!

– Надеюсь, меня не жучки-короеды съедят? – Это я подал как шутку.

– Да ты что? – Сева ударил себя кулаком в грудь. – Я же – твой друг! Лично все сделаю! Ты пойми: на работу престижную ее не берут, пока она не «потеряет близкого»!

Знаю! Сам же придумал это, когда-то. Слово не воробей. Лежи, не робей!

Все же старался не глядеть на свеженькую мотыльку в углу двора. Неужели тут и останусь? Во – «прокатился»!

Сева, босой, совсем простой, стоял у столба, в середине двора. Я еще думал – какая нелепость! Для чего столб, если даже лампочек нет? От столба шли, тяжело провисая, толстые грязные провода (таких электриков пороть надо, этими проводами), и далее, по столбам, сеть уходила в горы (правда, невысокие) и там терялась.

– С ГЭС работаем! – Сева дружески пояснял. – За плотину – водоем. Грозу поднимаем. Ну, ты

ж понимаешь! Смерть от молнии в наших местах всегда практиковалась!

Что значит – «практиковалась»? Самое время – придраться к словам!

– Разлюбезное дело! – расхваливал он, прямо как купец. – Ч-черт!

Не подготовился мужик – хотя, похоже, и ждал. У нас всегда так... Мелочи подводят! Надежда вдруг встрепенулась во мне.

«Разлюбезное дело» что-то не вытанцовывалось: искры со щита пока что летели только в него. На сбой техники вся моя надежда.

– Ч-черт!

Опять. Как же без черта в таком деле!

– Паяльник нужен! – прохрипел он.

– А есть он у тебя? – Я даже привстал.

– Да черт его знает!

Какая-то просто «пляска чертей»!

Он ушел в хату. И вскоре вернулся. Но без паяльника. С бутылкой. Это обнадеживало.

– Ну, сколько еще? Все затекло! – закапризничал я. Устал уже выполнять свой долг.

– Ты ж понимаешь меня, как технарь... сбой неизбежен!

Залез по пояс в щит. Как бы сам не обуглился. Искры летели. «Эх! Так я и не распробовал всех прелестей кирпичного оборота!» – мелькнуло сожаление. «Ничего, еще распробуешь!» – чей-то голос. Я понимал, что я – на грани миров.

– Ну, все! – радостно проговорил он, вылезая из щита, лишь слегка обожженный. – Работаем!

– Я прямо как Джордано Бруно. Его тоже поджарили за идеи. – Я не мог не сказать. Все-таки хотелось раскрыться перед концом, чтобы он осознал, кого тут поджаривает, но он не осознал.

– Не спеши, коза, в лес, – пробормотал он. Налил в какую-то плошку. – Кумыс! – пояснил он. – Заглотни!

Глотнул. Освежает!

И он двинулся к столбу. Страшный удар лбом! Последствия кумыса? Искры посыпались, уже из его глаз... И такой есть способ добычи электричества. Рухнет? Стоит. Горжусь им.

– Ну... прощай! Полюбил я тебя! – простонал он и всадил рубильник.

Эх! А я-то как раз только-только начал чувствовать послевкусие кумыса. Искры летели во все стороны. Но почему-то не в мою. Корона на его голове сияла алмазами, рубинами да яхонтами, переливаясь.

– Корону-то сними! Раздражает! – вырвалось у меня.

– Да ты шо? – удивился Сева. – Это же Центр управления! Мозг, можно сказать! От тебя не ожидал.

– Ну, прости. А то я все думал – где же у тебя мозг? Еще перекидывались дружескими шутками.

– Тяжела она, шапка Мономаха?

– О-хо-хо! – донеслось сквозь усиливающийся гром.

Лежал я удачно – и видно было хорошо, как над горой скапливались тучи и шли на нас, мерцая зарницами.

Накрыло. Оглушительный гром. Все! Надо бы на прощание о чем-то возвышенном. «Я – царь, пока не издал законов. А потом я – их раб! И вот я лежу на жертвенном столе, потому что Анжела, творение Севы, должна потерять близкого человека, то есть меня, потому что без этого не берут на серьезную работу, считая не прошедших через страдания бездушными. Все правильно. Система работает! Гордись!»

Но она ни черта не работала! Трещали молнии, вонзаясь рядом, аж плавя песок. Сева, кстати, стоял тут же, раскачиваясь. Может и его задеть ненароком. Вдвоем уйдем? Или все под контролем? Волновался за него. Но он хохотал. При такой работе совсем не удивительно, что крыша поехала. «Царь стихий! Неуправляемых?» – вдруг мелькнула надежда.

Молнии образовали вокруг меня некий домик, напоминающий иллюминированный рождественский шатер. Я кричал свой любимый стих (не знал раньше, что он любимый, знал просто так): «Играй же на разрыв аорты, с кошачьей головой во рту! Три черта было. Ты – четвертый. Последний, чудный черт в цвету!»

Шит на столбе загорелся. Сева, быстро скинув шорты – единственное, что было на нем (никто вроде рядом не стоял, хотя, возможно, это смотрел весь мир), – сбивал шортами огонь, и таки сбил. Герой! Какой же герой без катастрофы? Подумав, он шагнул в обгорелые шорты, подпрыгивая: горячо.

И наступила вдруг тьма. Перегорело все, во всем мире?

И лишь звезды. Но их – мириады. Лечу туда?.. Нет, задом стол чувствую. Лечу – но на планете Земля. Это – гордость. Так я, во всяком случае, чувствовал. Насыщенный получился вечерок. Откуда-то надвигался ровный шум. Навострил уши. И – хлынул дождь. Блаженство! Ловил ртом струи, частично отплевываясь, чтобы не захлебнуться. Вот он – миг! Я почему-то жив. Благодаря техническим сбоям. Слава им! Не зря я техникой занимался. Теперь благодарит?

Проснулся от солнечных лучей. Надо мной стоял Громовержец-неудачник в обгоревших шортах.

– Ну что? Прирезать тебя, что ли? – Он задумчиво шлепал стеком по ладони.

– Ну, давай, если надо! – Я смело выпятил грудь.

– Да боюсь, лезвие сломается! – усмехнулся он. – Непроницаемый ты. Даже молнии обходят тебя! «Может, я заслужил?» – мелькнула мысль. Но я ее не обнаружил.

– Ну уж, бояться, – поскромничал я. – Может, брезгуют?

– Ну все! Хватит тут имитировать! Вставай!

Он протянул руку. И я сел.

– Сам ты имитируешь! – ответил я. – Техника – ноль!

– Это ты – ноль! – последовал ответ. – Лучшая аппаратура, – указал на обгорелый шит, – не срабатывает! «Потеря близкого человека» – прокол! Никто не любит тебя, даже Анька!

– Ну почему – «даже»?

– И ты никого не любишь! – продолжил он. – Пустышка ты! Осечка природы.

Вот тут меня повело.

– Но почему же пустышка?! – заговорил я. Ранил он меня в самое сердце. – Не совсем. Хамом, халупой, как некоторые, я никогда не был. Это уже что-то. Скорее, наоборот: за других страдал. Помню, на платформе Финляндского вокзала один сказал мне: «Постереги!» Сунул в руки пустое ведро, а сам «вышел». Час не появлялся, другой. На все электрички я опоздал. А тот уже ночью появился. Злобно вырвал ведро – и ушел. И спасибо не сказал. Так что – скорее так.

– Да, не везет тебе с ведрами! – Сева сыронизировал. – Надо было жахнуть его тем ведром. Прочухался бы он. А тебе – все одно.

– Да любил я, любил! – в отчаянии выкрикнул я. – И меня любили. Да еще как! А тут, извини, – не срабатывает.

– Понял! – наконец проговорил он. – Защищенный! Привилегии выбил? Из наших, что ли? Дарителя я знаю. Сочинитель?

Мысль о привилегиях мне была глубоко противна. Что значит «выбил»?

– Ну, хочешь – утоплюсь?

– Да боюсь, море разойдется! – усмехнулся он. Какой-то тупик.

– Да. Не свезло тебе, господин Вершитель! – Долю яда я все-таки выдал.

– Да какой я Вершитель? – страстно заговорил он, словно давно этого ждал. – Молодежь уже тысячу раз напридумывала всяких защит! В гробу они нас видели!

– Да. И уже неоднократно, – вынужден был согласиться я.

– Ладно. Вставай! Нечего тут не по делу стол за-нимать.

И я слез с этого ложа.

Потом мы отдохнули, и даже нашлась еще одна общая песня:

*Ах, поцелуй же ты меня, Перепетуля!
Я тебя, как безумный, люблю!
Для тебя чем угодно рискуя,
Кроме...
(Тут лихой свист.)
Спекульну, спекульну, спекульну!*

Потом мы лежали на топчанах, принесенных, очевидно, прибоем, стихии таки разгулялись – вот и принесло. Не Сева же занимался столь пустяшным делом – топчаны таскать? Он – велик. И наши задачи более значимы! А пока...

Вот так бы и лежать. Вытянув ноги до хруста. И наслаждаться тишиной – и хлопаньем волн. Я вспомнил, как мы с братьями ловили на Волге рыбу: тишь, благодать, ширь... и даже не клюет... Задремал?

– Полундра! – вдруг донеслось до меня.
– А? Что? – Я резко сел.
– Шкары твои уплыли! – он насмешливо произнес.
– Где они?
– Далеко!

Господи! Стоит чуть расслабиться, на минуту ботинки снять – так их тут же уносит волной. И причем одна шлепает у берега, а другая – мчит, как парусник! Разные судьбы. Пришлось плыть. Заодно и искупался, впервые.

– Радиоуправляемые они, что ли, у тебя? – поинтересовался Сева. – Одна уплыла, другая осталась.
– Да нет! – сказал я. – Столько пахал... а шкары так и не радиофицировал.
– Аналогично! – вздохнул он.
– А все-таки мои молнии, что мне предназначались, ты украл, сам подзарядился. Вон – даже шорты обуглились! – пошутил я.

Но он вдруг завелся:

– А что? В землю, что ли, энергию сливать? Ну, подзарядился! Не нравится?
– Так, может, уехать мне, чтобы тебе не мешать?
– Да ладно, оставайся. С тобой как-то... моральней!
– Интересно, за счет чего? – Я не мог не спросить.

– Да стыдно как-то маленько стало! – признался он.

– Ну, если так – тогда остаюсь! Честно сказать, страшно подумать, каким ты был до меня!

Пошутил неудачно. Клиент обиделся.

– Показать?

– Ну, зачем же? – испугался я.

– Ты же сказал – интересно! – все заводился он. – Полундра! Подъем!
– Куда мы?
– Кирпичи грузить.
Ну что же? Накликал!

5.

Мы встали, скрипя суставами. И, раскачиваясь, побрели. Сначала я написал – «раскаиваясь». Может – правильнее? Или нет?

Широким жестом он распахнул сарай.

– Кирпичный бизнес! – произнес он. Уже не «духовное наследие», а более откровенно. Кирпичи, как и прежде, излучали жар и даже озаряли темное помещение.

– Раньше за них женщины отдавались! – прохрипел он. – И какие!

– Откуда же тут такие брались? И куда делись? Нам с тобой, наверное, надо на кладбище, раз мы такими интересуемся? – сообразил я.

– У тебя одни бабы на уме! – Он неожиданно переправил все моральные упреки в мой адрес. Для этого держит?

– А другого применения у этой продукции нет? – спросил я. – Церковь, например, выстроить?

– Выстроили уже. В девятнадцатом веке!

Теперь – гуляй не хочу.

– Так что сейчас волнует тебя? Бабки? – догадался я.

– Додул наконец-то! – усмехнулся он. – Схема проста...

Придется временно признать его умственное превосходство.

– Везем кирпичи в местную администрацию...

– И замуровываем вход!

– С какой стати? – усмехнулся он.

– Ну, не очень что-то они заботятся о тебе! – Я огляделся.

– Ошибаешься!

Сейчас я пойму, что он богат! Мы – богаты!

– Везем кирпичи в мэрию, оформляем – и получаем бабки. Не-ме-ренье! Главное – чтобы народ видел, что мы сделали завоз.

– А где народ?

– Будет! – пообещал он. – Потом мы тайно, ночью, везем кирпичи назад и укладываем сюда же! До следующего года. А деньги – отдаем. Понял?

– Кругооборот кирпичей.

– А процент у нас остается!

– Один?

– Ну... замнем, для ясности. Как это тебе?

- А где деньги держишь? – заинтересовался я. – На карте?
- Моя-то карта тью-тью!
- Помедлив, он кивнул.
- А где карта? – Я огляделся.
- Тут надо, видимо, использовать ландшафт?
- Ни за что не догадаешься!
- В сортире? – Я выбрал самое парадоксальное решение, свойственное, кстати, многим. Он подмигнул. Так я и знал. Таким деньгам – самое место!
- И когда... очередной вклад? – поинтересовался я.
- Сегодня. Вот погрузим, свезем.
- Выдал мне рукавицы. Но почему-то только мне.
- Извини, одна пара, – объяснил так.
- Передо мной стоял «кирпичный Манхэттен»!
- Тут автопогрузчик нужен как минимум! – произнес я.
- Заметь – ты это сказал! – вдруг вскричал он.
- Что я сказал? Но жизнь – наказала.

6.

Могильный холмик в углу двора вдруг задвигался.

- Я здесь! – донеслось глухо из-под земли.
- Я все думаю теперь, как я мог видеть все это – и не сойти с ума?
- Але! – почему-то произнес я.
- Холмик в ответ задвигался веселее. И даже вдруг высунулась какая-то двупалая клешня и приветственно мне помахала. Предстоит мне ее скоро позвать? Смогу ли? Или – откажусь? Это теперь называется «загробный расизм» и жестко наказывается. Но какое мужество надо иметь, чтобы не сплеховать!
- Это ты его закопал? – повернулся я к Севе.
- Сева развел руками, что означало, видимо, да.
- Это был чей-то близкий человек? Кто его потерял? – Я четко стал контролировать свои идеи, вернее, их исполнение, раз уж я приехал сюда.
- Я его потерял, – глухо проговорил Сева. – Но мне это почему-то не зачлось. Якобы я ему не близок!
- Так ты же живым его зарыл!
- Так – железяка! Какой он «живой»?
- Все мы давно уже железяки, – вздохнул я.
- Но мы ведь – с душой! – простонал Сева.
- Да уж! Но где же она?
- Он вам сейчас понараскажет! – донеслось из ямы.
- Теперь он твой! – Сева цинично усмехнулся. – Наслаждайся!
- Сейчас, сейчас! – Голос усиливался.

И, отряхивая землю, вылез... примус. Две раздвоенные клешни воздеты вверх. Головка (у примуса это называлась конфорка). Тут, видимо, и горит огонь разума. Глазки – огоньки. Впрочем, довольно дружелюбные. Медное брюхо. Ножки изогнутые – четыре. Видимо, для устойчивости. И, как я вскоре увидел, для ходьбы. Общий цвет – медный. Любо-дорого. Бери – не хочу.

– Да! Сэкономили мы на тебе! – вырвалось даже у Севы.

Общались раньше? Безусловно, раз он его закопал. Но, похоже, – и породил? «Тарас Бульба – 2»!

Субъект доковылял до меня и, лихо кинув клешню-руку к головке, доложил:

– Прибыл в ваше распоряжение! – звонко, с металлическим отзвуком.

В мое? Почему же сразу – в мое? Вон – еще люди. Но в их распоряжении он вроде бы уже побывал. И чем это кончилось? Увы!

– Ваш горячий поклонник с ранних лет! – расшаркался он. – Безумно рад встрече!

Как-то я был ошарашен таким успехом.

– Ваши идеи покорили мир. Если бы не ваши гениальные «Потеря близкого человека» и «Уход», мир погрузился бы в хаос, страдания были бы неуправляемы, или, хуже того, их не было бы вообще. А сейчас!.. – Он огляделся. – Гармония!

С одной стороны – лестно. Но и настораживает. Почему этот примус знает про меня все, тщательно скрываемое? Другой уровень сознания? В этой маленькой головке?

– А-а! Прокололся ты наконец! – Сева захохотал. – Ну как тебе этот... гусь? И учти: это еще только начало! – злобно пообещал.

– Давно за вами слежу с восхищением! – продолжал примус. – К вашим рукам пылинки не прилипло!

– Что несет? – простонал Сева.

Но тут я был с примусом согласен: стараюсь соответствовать. А он довольно мил.

– Но кто вы? – вырвалось у меня.

– Автопилот! – Сомкнув все четыре пятки, он отдал мне честь.

– Автопилот чего?

– Вообще-то нас делали для космических пространств! Но этот, – яростный взгляд на Севу, – приспособил меня сюда, по хозяйству. Украд у Космоса! Ты за это ответишь! – ткнул клешней в хозяина.

– Уже жалею! – откликнулся тот.

– Козу заведи – с ней и живи! – произнес «гость из-под земли». – Айн момент! – Эта реплика адресовалась уже мне.

- Пропустите гостей! – послышался голос сверху.
- И я, на дрожащих ногах, поднялся по лестнице, прижимая к груди Готю, словно букет. Подарочек еще тот! Он сразу же вырвался, упал вниз и стал там расшаркиваться, как настоящий джентльмен.
- Разрешите представить вам...
- Слава богу, это происходило внизу, не мешая нам.
- Мы знакомы, – проговорила она.
- И еще как!
- Сколько усилий и страсти я вкладывал, – заговорил я, – чтобы... не встретиться с вами на улице! Сердце бы разорвалось! Один только раз мы встретились с вами на елке. Поглядели только – и все. Ваш дом за квартал обходил по пути из школы и в школу.
- И я! – улыбнулась она.
- И это страдание было слаще всего! Ценнее! Давно я уже ни с кем так не говорил.
- Притом я не знал, что вы – герцогиня. Думал – школьница!
- Но я и сама еще не знала тогда. Но вот – случилось! – Она протянула тонкую руку, рукав съехал. – Адель!
- Почему-то я знал, что имя необыкновенное. А мое...
- А ваше имя я знаю. Что, наверное, говорит о том, что я все же была активнее! – Она засмеялась. – Хотя вы... переменили семь масок – узнать вас легко. Мне, во всяком случае. Спасибо, Готя! Готя выживался внизу.
- Но это всего лишь мой друг. И я уже говорил вам и вашему, как выяснилось, другу... что первый вальс – мой! – Он раскланялся.
- Готя! – Она засмеялась. – Когда ты слышал тут вальс?
- В ответ Готя вновь поклонился, считая, видимо, что у него безупречный пробор. Как бы «конфорка» эта не отвалилась от частых покачиваний.
- Бесшумно возник Емельян.
- Ваша встреча, увы, под запретом! – проговорил он.
- Но, простите, кто вы? Я не знаю вас, – проговорила Адель. – Почему вы здесь?
- Почему, – разозлился я, – ей нельзя встречаться?
- Вы прекрасно знаете почему! – Ответ он направил ей. – В силу вашего Предназначения!
- Еще не умом, а подсознанием я ощутил: «Нельзя! Это – наше проклятие!»
- А вы об этом тоже скоро узнаете. – Это он сообщил мне. – Пройдите в замок!
- Да. Счастье, видимо, будет недолгим?
- Пойдемте... я покажу вам все, – печально проговорила она.

- Тут-то, видимо, и заключена невозможность! Но брала же она у Севы кирпичи? Это – бодрая мысль!
- Стойте! – Готя метнулся за нами, но Емельян, взяв его за горлышко, оторвал от земли. Точнее, от мрамора.
- Мы с Адель шли по сумрачному гобеленовому коридору, сцепившись пальцами, но – уже молча.
- Вот. – Она с трудом сдвинула тяжелую резную дверь. – Опочивальня! – с легкой иронией произнесла.
- Да-а. Опочивать здесь, наверное, можно... хотя больше подошло бы слово «опочить». Какая-то гигантомания!
- Честно скажу – не мой сайз, – признался я.
- Неужели в этом вся «невозможность»? Если бы!
- Пойдемте дальше...
- Найдется, может, какое-то более приемлемое помещение? Но увы, нет!
- Вот! – Она решительно надавила на тяжелую дверь, и – открылось.
- Назвать это помещение уютным не смог даже я, записной оптимист. Там было абсолютно темно... но чувствовалась бескрайность, и оттуда неслись какие-то стоны и вопли, притом и на незнакомых мне языках, учитывая, что я знал четырнадцать.
- Что это? – спросил я.
- Хотя знал: то самое, что погубит нашу любовь.
- Зал неприкаянных душ. И я должна проводить с ними все время!
- Вы... Даритель новой судьбы?
- Она кивнула.
- Прав Емельян. Сочинитель и Даритель – не пара. Жизнь не случайно нас развела. Прямо тут и оставить ее, на пороге бездны? Выше моих сил – расстаться! Во избежание коррупции, которой мы навряд ли бы с нею занялись... Но! Сочинитель, Вершитель, Даритель... не должны видаться никогда, иначе все это величие – с обилием родственников рискует превратиться в мелкую лавочку. Я сам это говорил, когда был молод, принципиален, безжалостен. И был прав. Сева – пример того, во что это может превратиться, увы. Но мы – другие. Целую жизнь прожил я без нее... и снова расстаемся.
- Решай! – проговорила она.
- Что тут решать?
- Выручил Готя. Как выручал и потом. Дикий визг, пронзающий замок. И визг – не его! Но чей же?
- Мы неслись с Адель по гобеленовому коридору – вместе. Неужели в последний раз?
- Визжал Емельян. Готя впился клешней в самое нежное его место – ухо, и Емельян с визгом крутился, раскручивая свое ухо, как прашу, с надеждой

Он подошел к поникшему Серому, поднял за волосы голову. «Цо-цо-цо!» – поцокал с сожалением. Потом вдруг взял его голову в руки и со скрипом-визгом резьбы – отвинтил ее от туловища и понес. Как голову железного рыцаря в Эрмитаже, мелькнуло сравнение. Аккуратно поставил ее на сиденье в кабине, вернулся и, взяв легкий каркас Серого, закинул его в кузов.

Самосвал тут забуксовал на куче, высыпанной им же, колеса прокручивались, и вдруг круглая белая галька, как из пращи, пролетела и стукнула Серого в лоб и в нем исчезла. Серый упал на стол головой, и возле нее растеклась темная лужа.

– Вы видите? Видите? – первым опомнился Готя. – Стоит только слово сказать!

Из самосвала спустился водитель с голыми татуированными плечами, но глядел озабоченно только на колесо.

– Извини, Алла! – Сева оставил ее и не спеша подошел к водителю самосвала.

И что-то передал ему. Деньги?

– Вы видите? Это заказ! – негодовал Готя.

Кратко переговорив с Севой, водитель кивнул. Он подошел к поникшему Серому, поднял за волосы голову. «Цо-цо-цо!» – поцокал с сожалением. Потом вдруг взял его голову в руки и со скрипом-визгом резьбы – отвинтил ее от туловища и понес. Как голову железного рыцаря в Эрмитаже, мелькнуло сравнение. Аккуратно поставил ее на сиденье в кабине, вернулся и, взяв легкий каркас Серого, закинул его в кузов. И уехал, при общем молчании и оцепенении.

– Ну, пока все, Аллочка. Я брякну, когда тебе прийти, – проговорил Сева. – Ты едешь? – Он обратился ко мне.

Даже не знаю. Я глядел на Готю... Ну? Что-то наобещал людям, так выполняй! Готя, поймав мой разгневанный взгляд, задвигался, но как-то механически. Чуть не сказал – как робот. На столе остался мобильник Серого, казалось, сохранивший тепло его рук. Готя решительно схватил остывающий гаджет.

– Мы сделаем все, что намечал Серый! – заговорил он. – Тут его мысли, планы – и мы выполним их!

И он взметнул аппарат, как упавшее знамя...

Реакция была несколько неожиданной.

– Глянь, мобильник Серого ухватил! – завопил Валентин. – Да еще что-то лепит. Ну, гад! Дряблый, ты поближе к нему, врежь-ка как следует!

Все наконец задвигались, но совсем с другой «сверхзадачей» – не той, которую ставил Готя, скорее, все собирались дать ему «кренделей». Могут и расплющить его, наступив... и у меня больше не будет друга!

Я ухватил Готю на руки – мне уж не привыкать. Готя все размахивал мобильником, а также ножками, всеми четырьмя. Но мы уже в кузове шассика, в кирпичной пыли, то есть, по ощущению, почти дома. Хозяйственный Сева взгромоздил в кузов еще и автопогрузчик.

– А где кирпичи? – поинтересовался я.

– Армянам сдал. Храм строят! – ответил он.

– Ну что ж. Это уже шаг, к просветлению, – морально поддержал его я.

Поехали. Затряслись. Зубы застучали.

Готя со всей страстью листал гаджет Серого, но страсть остывала.

– Ну, что-то не то? – видя его грусть, спросил я.

Он листал все медленнее.

– Полная чушь!

– А ты не догадывался? Ты думал, «Апрельские тезисы» Ленина там найдешь? Я тоже, на минутку, за политику в тюрьме сидел, тебя понимаю! – поделился я. – Бесплезно!

– Никакие ваши тезисы мне не нужны! – вспылил Готя. – Я просто хотел там найти, – он кивнул на мобильник, – сильные человеческие чувства, мечты... за которые стоило бы сложить голову! А тут – реклама, сплошная реклама! – Он стал крутить картинки на мобильнике. – «Тела навывнос», «Зубы без головы», «Член для измен». Где же гордость, честь, доброта?

– Да, с этим туговато.

Нас подбрасывало на ухабах. Готя в отчаянии швырнул мобильник Серого на дорогу.

- Их волной прибило, на плоту! – вскричал Готя.
- И н-надо же – прямо к нам! – Сева ощерился. – Хотели меня съесть, представляешь?
- А в результате... ты их съел?
- Поставил работать их... все по Марксу!
- Они не съесть, а свергнуть хотели тебя! Ты обманул их. Они кирпичи делали, а ты не платил! – взъелся Готя.
- Платил! В их валюте. Черепками!
- И потом ты их съел? – уточнил я.
- Надо мне! В футбол гоняют, за сборную. Бегают так, что не рассмотреть. Зарабатывают... больше всех нас, вместе взятых!
- А меня в сборную не взяли! – Готя заплакал.
- Утрись! – протянул ему Сева платок. – Гости к нам.

Паровые катки все-таки нас настигли. Воспользовавшись тем, что последние полчаса мы уже не ехали. Ждали их? Но без особого, как мне кажется, пыла. Они приближались. Но с какой-то неземной медленностью. Словно пришельцы.

Сева вразвалку пошел навстречу им и положил на дорогу в пыль свою трость с лезвием, символ власти. Граница! Мы с Готей тоже подошли, встали.

Валентин – младший брат Серого – спрыгнул с подножки парового катка.

- Ты моего брата убил! – Он указал пальцем в Севу.
- Почему я?
- Ты водителю деньги давал!
- А на что? Знаешь?
- Ты нашу любимую женщину увел!
- Где же она? – Сева похлопал по карманам.
- Да чего ты миндальничаешь с ним! Дави! – загомонили рабочие.
- Он вовсе не Аллу любит, – тут выступил я. – У них просто дела.
- Мокрые! – злобный крик.
- Он Нюру любит! – словно со сцены, объявил я.

Сева кинул на меня свирепый взгляд: «Сват нашелся!»

- Проводницу, что ли? – спросил Валентин.
- И гости захохотали. Имя Нюры развеселило их.
- Ты нам бабки верни, – напирал Валентин. – Которые на асфальт были отпущены. Ты их забрал. Где они?
- Так вы за бабками, что ли? – Сева захохотал. – А ты, Готя, говорил, что они идейные! Тьфу! – Сева смачно сплюнул в песок. – Готя! Достань им карту мою. Пусть подавятся.

Готя, как и следовало ожидать, скрестил руки в традиционном жесте. Но отказывал он, похоже, не нам, а им!

- Все! Кончай базар! – послышалось из толпы. – Похозяйничал ты тут, Сева, пора на слом! Имей совесть!

- А ты думаешь, я боюсь? – произнес Сева. – Пожалуйста! Мне самому уже надоела эта... скорлупа! Он с ужасающим скрипом отвинтил голову и с поклоном положил ее в пыль.

- Наезжай! – донеслась снизу его команда. Валентин был потрясен. Хотя совсем недавно, кажется, имел твердые намерения.

И вдруг каток медленно покотился сам. Машины главнее нас?

- Стой! – крикнул Валентин, но события уже катились сами.

Хрустнула трость. От катка с бензиновой радугой на поверхности до головы моего друга Севы, стоящей в пыли, оставалось немного. Надежды метра полтора. Надежды на чудо? Не надо этого! Я услышал скрип, с которым я отвинчивал свою голову. И поставил ее рядом с Севиной, чуть ближе к катку. Каток на это не прореагировал, катился ровно.

Что-то сверкнуло передо мной... Кто-то без очереди? Послышался железный скрип – визг, напоминающий звук помойного ведра, ударившегося об кафель. Каток (по своей воле?) попятился. Или это все же Валентин управлял им напряжением воли? Я – жив! Кто же мертв? Готя убился! Жестяная лепешка, оставшаяся от Готи, сверкнула в пыли.

Все молчали, думая примерно одно: «Может, хватит на сегодня?» Мы с Севой, нервно посмеиваясь, привинчивали свои головы обратно. Готя всех спас... расплывив себя.

- Ну что ж! – первым проговорил Сева. – Давно подставку под чайник искал. – И кинул Готю-лепешку на стол и пошел в хату. – Все! Устал!
- Стой! – сказал я ему.
- Стою.

- А кто... Даритель? Надо Готю спасти.
- Не знаешь? – Сева «изумился». – Сегодня только в объятьях ее держал.
- Ну и что? – пробормотал я. Вопить «Ничего не было!» как-то запахло.
- Как это – что? – Сева захохотал – Обязан! Звони! Готя – твой друг.

Сунул мне под нос свой телефончик, где была строчка «Адель».

- Зато он твое творение! Сам и звони! – трусливо сказал я.
- Со мной она говорить про это не будет – торгашом считает меня. Только ты!
- И я ткнул – «Адель».

– Привет! – произнес ее голос. – Я почему-то почувствовала, что это ты!

– Я скучаю по тебе.

– И я тоже.

И это – все? Молчание наполнялось отчаянием. Любви – конец? И Готе – хана? Как всегда: все самое плохое греем.

Но выручил, как всегда, он. Как Чапаев с шашкой! Из трубки вдруг понеслись какие-то крики, скрежет.

– погоди! – проговорила она. – Готя трубку рвет! Чем, интересно, он рвет?

– Ну, вспомнил хоть наконец-то обо мне! – Готя заверещал.

Не то чтобы я только о нем думал... Но – живой дух не убьешь!

– Тут проблемка такая, – излагал Готя. – Два варианта идет: в прошлое мне или в будущее? Что же ему сказать? Надо быстро.

– Ну... в прошлом ты нас навряд ли найдешь. Да и ничего там не изменишь уже. В будущее давай!

– Эх! – Готя произнес. – Ну... пока.

И вдруг – слезы в горле. И Сева слезу утер. Видимо, это конец. И карьере тоже. И вопить: «А что я такого сделал?» – как-то унижительно.

– Алле, алле! – я кричал.

Но и она не откликнулась.

Сева очнулся первый.

– Гляди! – Он тронул за плечо Валентина. – Вон брат твой шагает, как солдат!

Коллеги с ужасом смотрели на приближающегося Серого. Шаги абсолютно одинаковые. А как надо? Но вблизи он показался обычным.

– Привет, орлы!

– Ты... где был? – проговорил Валентин.

– Да тут. У жестянщика завис. – Серый почесал за платку во лбу. – Крыло у тачки вправлял.

– А... – проговорил Валентин.

– А вы чего метнулись сюда? Купаться?

– Да... – проговорил Валентин. Все ждали от Серого чего-то необычного, но он...

– А чего? Нормально. Хоть лето отметим, – проговорил Серый и начал раздеваться.

Может, и так? Все нормально? Асфальтоукладчики тоже стаскивали одежду, сначала неуверенно, потом развеселились, стали толкаться.

Ринулись в воду – и засверкали брызги. Хоть море оказалось нормальное, без причуд. Но, видимо, от их возни выросли волны.

– О! Пошел гость! – донесся до меня голос Севы.

«Съезжались гости на дачу!» Кто-то пылил по дороге. На велике? Хлеб-соль организовать не

успели... Емельян. На ржавом велосипеде, так не соответствующем его стати. Запыхался даже!

– Она здесь?

– Кто? – с волнением я спросил.

– Вы прекрасно знаете кто!

Он бросился к морю и стал разглядывать купающихся.

– Дороги я контролирую, – лепетал Емельян. – Значит, морем плывет!

Я кинулся в воду. Словно какой-то античный герой, который то ли доплыл к милой, то ли утонул. Главное – счастье порыва. Чемпионом был!

Со мной наперегонки, думая, что играют, пустились – сначала Валентин, потом Серый. И я увидел в волнах ее локоны. И – дотянул. И как раз друзья и прибуксировали меня – и Адель! И тут же кинулись вновь купаться. А то бы мы потонули с ней, обнявшись, – силы уже иссякали, а волны крепчали.

И вот мы дышали на берегу. Жизнь бурлила. Асфальтоукладчики, разгулявшись, играли в воде в «наездников»: стаскивали «противника» с «лошади». Гвалт! Это и дало нам время, чтобы отдышаться и уже спокойно взяться за руки, лежа еще на песке.

– Запер в башне меня – представляешь? – проговорила она. – С башни пришлось кинуться в море. Раньше не пробовала!

– Не запер, а опечатал! – строго сказал Емельян, подходя. – За неподозволенные контакты – сами понимаете с кем!

– А ты что? Ревизор? – спросил Сева, подходя.

– Да! Ревизор. Давно уже наблюдаю за вами. – Емельян повернулся ко мне.

– Помню, помню, – благожелательно произнес я. – Еще в поезде, обольщая щами. И пледом.

– Вы сломали мне жизнь. Анжела ушла к вам. А меня понизили. И я поклялся отомстить вам. А заодно – и этим вашим... подельникам! Жируете тут... Хотите, я сфотографирую вас? – вдруг предложил он.

– Фотографируй! – сказал я. Вдруг профессия эта станет его любимой?

– Сева. Адель. Давайте! – позвал я.

Сева влез в середину, обнимая нас за бока.

– Вы еще успеете наобниматься! – пообещал он.

– Думаешь? – спросила Адель.

– Что-то мне подсказывает! – спрогнозировал Сева.

– Ну что? Снимаю? – с угрозой произнес Емельян.

– Давай! – произнесли мы все вместе.

– Улыбочку... Ну вот! – Емельян разглядывал снимок на аппарате. – Редчайший кадр. Теплая компа-

ния: Сочинитель, Вершитель и Даритель в обнимку. Вась-вась! Посылаю... и с этой секунды ваши полномочия прекращены!

Вспышка.

– А-а! Ну давай... заступай! – Сева указал Емельяну на столб.

Из щита вдруг медленно выплыла шаровая молния толщиной с дыню и медленно приплыла к Емельяну под нос. И с грохотом взорвалась. Емельян уцелел, но позеленел. Видимо, на всю жизнь. – Ну что, кишка тонка? – резюмировал Сева.

Еще одно торнадо приближается по дороге – в пыли не разглядишь.

Пыль осела, и мы увидели Нюру.

– Что тут творится у тебя? – накинулась на Севу.

– Открылся, видимо, купальный сезон! – ответил Сева вполне независимо.

– Карту давай! – произнесла Нюра.

Неужто сейчас произойдет безобразная сцена с доставанием карты? Но Сева оказался умней – и спокойно вынул карту из кармана шорт. Друг, называется: направил меня по ложному пути.

– Ладно, проверю. – Нюра взяла карту и сунула ее в рабочую сумку. Я робко надеялся, что мою карту вернет – но, видимо, время еще не пришло.

– А ты что застыл? – обратилась она к Емельяну. – Смена твоя! Снова прогулять хочешь? Учти – вылетит!

– А он сказал – ревизор! – проговорил Сева.

– Как же! – произнесла Нюра. – Ты Гоголя читал?

– Подзабыл! – вздохнул Сева.

– Вот я и вижу, – Нюра сказала.

– Он генеральный менеджер! – подсказал я.

Жалко парня!

– Какой он – генеральный? Долдон! Обычный проводник. Да еще прогульщик! Гони на станцию – опоздаешь! – рявкнула она.

И Емельян погнал на своем велосипеде, постепенно уменьшаясь.

– Анжеле, я думаю, он подойдет! – Сева, прищурясь, смотрел ему вслед. Кто о чем!

– Пойду хоть хату приберу! – Нюра сказала. – Опять гамбалить!

Местное выражение? Сева пошел за ней. Мы сидели на берегу. Прощаясь? Вернулся Сева: раскрасневшийся, встрепанный, но довольный.

– Ну что? Поздравляю вас. Мы все уволены!

И мы с Адель наконец обнялись.

– Ну что? Полный дурдом счастья? – Сева подытожил. Последнее безумное поколение. Дальше ровно пойдет.

У Адель вдруг завершал телефончик.

– Кто этот, путник запоздалый? – Сева оживился.

– Алло... – проговорила Адель. – Готя? Привет! Ну, как ты там?

Все мы прильнули к трубке.

– Грустно, – еле прошелестел его голос. – Все тут как неродные. Полов нет. Точнее, один, непонятный. Решают все компьютеры. Ноль эмоций!

– Готя! Держись! – закричал я. – Наведи там шороху! На тебя вся надежда! Мы прорвемся к тебе.

– Буду ждать, – проговорил Готя. – Скучаю по вам, ослам!

И – космическая тишина. Только стучали наши сердца, из не изнашиваемого, говорят, материала.

– Мы прорвемся! – простонал я.

– Кто ж нас пропустит? – простонал в ответ Сева.

С воды доносились счастливые крики и смех.

